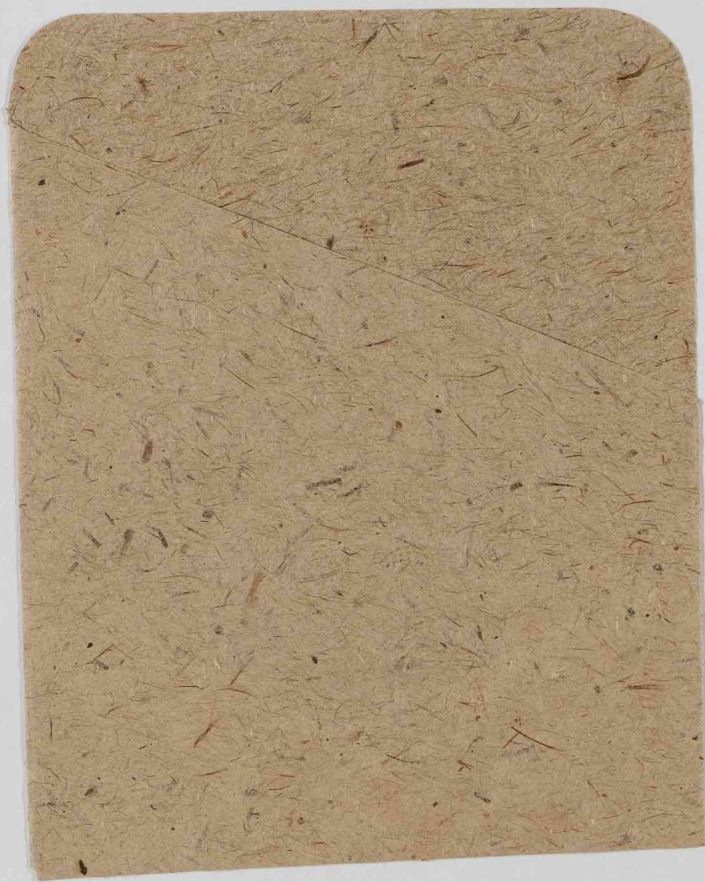

ЕЛЕНА ЧУБЕНКО

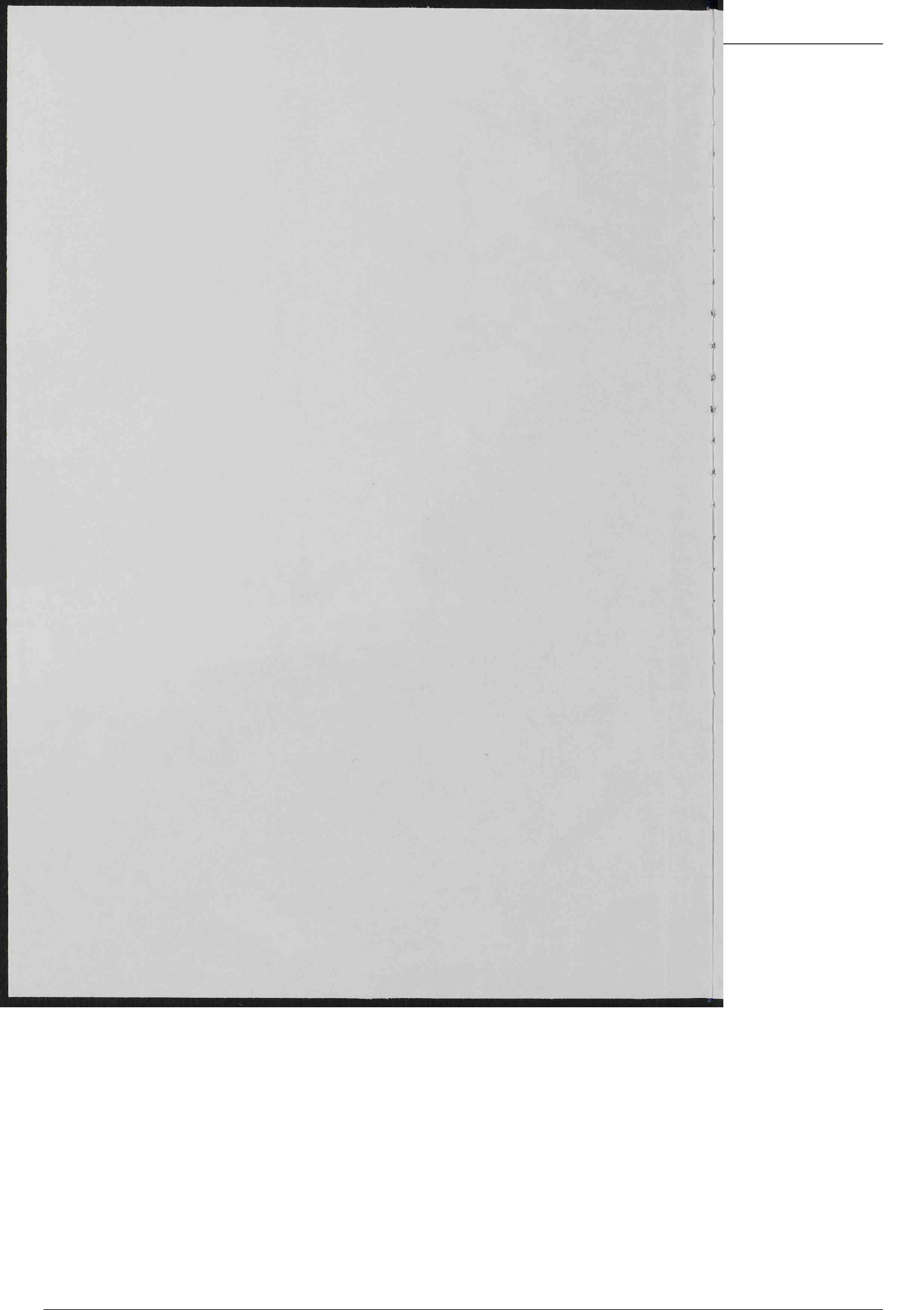

**ВОТ ТАК
И
ЖИВЕМ**

Елена ЧУБЕНКО

ВОТ ТАК И ЖИВЁМ

рассказы и очерки

Чита 2015

К 84+84(2=Рче)7

УДК 620.4

ББК 31г

Ч 21

Ч-81

Ч.О. 16331

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ
КРАЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А.С. Пушкина

Ч 21 Чубенко Е.И.

Вот так и живём. – Чита, 2015. – 188 с, илл.

ISBN 978-5-905480-02-7

Вы знаете, о чем мечтает наш земляк-забайкалец далеко от дома? О том, что можно запросто прийти к своей любимой соседке и поплакаться ей в плечо, и чаю попить... Оказывается, это такая дорогая и недоступная роскошь... Цените, то что у вас есть и не продавайте ни за какие современные коврижки...

УДК 620.4

ББК 31г

ISBN 978-5-905480-02-7

© Чубенко Е.И., 2015

2015

ОБ АВТОРЕ

Совсем недавно пришла мне по почте скромная рукопись будущей книжки Елены Чубенко, и словно светлый вихрь ворвался в размеренную жизнь. Кто когда-то был забайкальцем, будет до конца жизни тосковать по забайкальскому бездонному небу, ярчайшему солнышку, багуловым сопкам, а главное – по людям, настолько щедрым и распахнутым, что так бывает, наверное, только в раю...

В своё время пришлось, как и Елене, помотаться с журналистскими заданиями по колхозным станам, стоянкам, также вот вести беседы с доярками, председателями, врачами, директорами школ, с ветеранами нашими... Мало побеседовать, нужно и написать так, чтобы человек буквально стал тебе близким и родным. Елена так умеет! Всех обнимает любовью её большое горячее сердце, во все уголки души заглядывает острый ум и наблюдательный глаз... Грустишь вместе с нею, задумываешься... А если уж веселье – так тоже от души!

Забайкальская душа – она особая. По-детски открытая, и в то же время очень мудрая, её невозможно не любить. Рождает земля за Байкалом особые характеры.

Мало сказать о сердечности и уме. Забайкальские – все поэты. Да и как не стать им, если детство Елены, например, прошло в бабушкином доме, где «все стены на веранде, в кладовке увешивались пучками и всю зиму источали тонкий аромат лета,

который к снегу усиливался, дразнил и звал в июнь... Бабушкин дом манил не только ее присутствием и теплом, он был диковиной шкатулкой с открытиями...»... Вот короткий рассказ о дожде – весь поэзия с первой до последней строчки: «...А потом первые крупные капли дождя летели сверху стремительно, приземляясь в горячую землю и горячие ложбинки между лопаток, холодея еще раскаленное солнцем тело, и скатывались струйкой вниз. Как крошечные водяные бомбочки крупные капли взрывались на земле, поднимая такие же крошечные фонтанчики пыли и воды, и потом вдруг завесой с неба падала вода, заполняя собой все пространство, вытесняя солнце. Запах смоченной пыли сменялся непостижимой свежестью умытого дня, истомленного жарой...»...

Елена Чубенко, конечно же, пишет стихи, но всё-таки проза – это её стихия, стремительная и яркая, как весенний поток. Она умеет поймать и передать на бумаге сложнейшую тонкую материю, драгоценную – речь! Елена пишет: «...бабушкин портрет, конечно, теряет от того, что на бумаге не передать самобытности семейской речи. Любая фраза, сказанная семейским человеком, – прелюбопытнейшая картинка. Может, кого-то и коробит от словесных оборотов дешуланских и салинских жителей, а мне речь моих земляков кажется песней, и жаль, что ее не слышно с бумажного листа...»...

Речь самобытная не только льётся из уст героев, но именно ею написаны удивительные творения Елены, и подобные рассказы редко встретишь. По скромности и самоиронии она называет зарисовки и рассуждения от имени хохотушки-забайкалки «Бредами», название происходит от выражения «Бред сивой кобылы»... Конечно, кроме речи, в «Бредах» нарочито преувеличенно, гиперболично описываются события, каждое из которых «космического масштаба». Весело, шумно, и в то же время точно и узнаваемо рассказано о гостеприимстве забайкальских людей, о неприятии притворства, о щедрости и заботе... О любви... О том, какие чудесные, с трагическими судьбами люди могут оказаться под внешне шутовском одеянии...

Надо сказать, что значительную часть книги занимают очерки о людях забайкальских сёл. Другую часть – лирические рас-

сказы о бабушке, о деревенской жизни. И особая тема – те самые «Бреды», о которых надо сказать, что они, ко всему, плод и продолжение коллективного творчества, они – дитя виртуального литературного объединения «Изба». «Даже в бреду мне не пришло бы в голову публиковать Бред. Но герои его настойчиво требуют, что бы он был в виде книги, а не в виде разрозненных записок в нашей группе в «Одноклассниках»... именно там образовалась и сдружилась наша группа «Забайкальское землячество», именно там у нас родилась Изба со своими чуть полусумасшедшими обитателями...»...

Книга Елены Чубенко получается интересной: этнографической, документально-очерковой, художественной... С элементами фэнтези... Вот так бывает. Можно всё это объединить? А почему нет, если всё это есть в одном человеке, и именно Елена и есть главный литературный герой, а мы её глазами можем взглянуть на мир. Глазами детства, через разноцветные стёклышки...

В рукописи Елены есть такая фраза: «Мне подумалось, что есть даты и люди, которых нельзя обходить вниманием...». Подписываюсь под каждым словом... И будущая книга Елены не пролетела мимо, а, пропущенная сквозь душу, осталась там жить... Чего желаю и читателям.

*Ольга Коваленко-Левонич,
член Союза писателей России,
г. Дмитров.*

На фоне множества книг с замысловато-ребусными текстами, какие сами авторы, кажется, понять не в состоянии; рассказы, очерки Елены Чубенко, как свежее дыхание: о каком бы времени года ни писала, о каких бы судьбах ни повествовала, её мир, обёрнутый в слова, удивителен. И безудержный смех радости, и смех сквозь слёзы, и любовь и печаль – всё – истинной мерой, как в жизни: рядом ходят, перекрывая одно чувство другим. Да и не может быть иначе, потому как герои её словесно-чудных совершенно портретов – все реальные люди: её семья, родные, соседи, друзья и сослуживцы.

Иногда начинаешь думать, что забайкальцы и впрямь, какие-то особенные: столько среди них по-настоящему человеческих людей, с кем Елене посчастливилось расти, учиться, работать, просто жить рядом, – что ни судьба, то потрясение духом и волей к жизни, ответственностью перед делами, каким служили, служат. Или это им всем чрезвычайно повезло на такую редкую счастливую данность самой Елены: обострённо чувствовать каждого, с кем соприкасается, живёт, сотрудничает, дружит, помогая им раскрыться с той доверительностью, какую чувствуешь за каждым именем, кто отныне поселятся на страницах её новой книги «Вот так и живём».

Читая написанное Еленой меня не оставляло ощущение, что читаю книгу Василия Шукшина. Похожесть эта – не в манере письма, не в языке, – в природной простоте повествования. Не поверхностной простоте, что от дилетантства, а, идущей из глубин человеческой сути, в какие заглянуть, не имея таланта, невозможно.

Посетила «крамольная» мысль: писать, как дышать у Елены вряд ли бы получилось, если бы писала «правильно, как учат». «Правила», порой, лишают доверительной интонации. У Елены – на такой интонации всё и построено. Её рассказы, как будто для одного человека: в них нет «задней мысли» угодить всем. Она пишет, как может, как чувствует сама. Потому получается – искренне и неподдельно. И... не для всех, а для зрелых сердцем людей. Или для тех, кто стремится понять главные ценности, а не мнимые, какими сейчас поражено наше общество.

Ловила себя поминутно на внутреннем ощущении, что её рассказы не вызывают снисходительного: мол, что поделаешь... дилетантом написано..., – такое происходит, когда в руки берёшь книгу автора, неизвестного большому кругу читателей. Напротив, я постоянно «забывала» об этом думать. Более того, просто... не думала. Казалось, открываю для себя новое писательское дарование, чему не уставала радоваться. Любители именно хорошей литературы меня поймут.

Каждый рассказа Елены, очерк или зарисовка интересны по-своему, но одно неизменно: простота языка, сопереживание своим героям и героиням, всё это чувствуешь в ней самой настолько, что невольно проникаешься подобными же чувствами и уже, кроме как: «что дальше?», – иных мыслей не остаётся.

Литература делится на специальную, какую читать необходимо в силу разных причин на ту, что читать хочешь, но, начав, тут же отложишь, и на ту, что, взяв в руки, пробежав глазами первые строки, уже не оторвёшься. Рассказы Елены Чубенко берут в плен сразу и неотвратимо. Так было при чтении её первой книги «О тех, кого я помню и люблю», так случилось с рукописью второй книги, готовящейся к изданию.

Возможно, потому оценить писательское мастерство Елены тем сложнее, чем проще и естественней её манера повествования. У меня – вообще чувство: всех знаю, со всеми героями рассказов жила, живу рядом, лично знакома, – таким кажется близким к их естеству описание, что превращает в живые картинки-кадры её родной Забайкальский край, его людей, природы. И никак не потерпеть искажения.

И совершенно оправдано, что вторая книга начинается, как первая: с рассказа «Ангел мой хранитель». О своей бабушке, как некоего Начала для самой Елены: во всех смыслах – примера теплоты и мудрости человеческой.

Потому не могли воспоминания быть не наполненными ответной теплотой, отражением бабушкиного света в напутствии на всю жизнь, не позволяющему Елене отринуть от себя бережное и щемящее отношение ко всему, чем было наполнено её детство, юность, о чём, памятью живя, щедро делится со всеми нами.

Как будто слышишь вместе с автором её, бабушкину, правду: о коллективизации и раскулачивании, о религии и природе, о механизации труда, приходившей в сёла, и даже о космосе и радиации. Со временем эта правда подтверждалась самой жизнью, и память о бабушке становилась всё осознанней и значимей, не отдаляя её милый образ, а, напротив, приближая, делая ангелоподобным, охраняющим.

«Бросит по траве первые ручки» – это о сенокосе, если бы бабушка смогла возвратиться оттуда в «отпуск» на землю и принять участие в любимой ею сенокосной поре.

Образная речь самой Елены – составная часть рассказов, слившаяся воедино с людьми, событиями, природой, придавая им почти осязаемый природный калорит и достоверность; замени её на иную, и картины потускнеют. Веснушки у неё «неожиданные», сковородки – «рейс за рейсом» летают в печь, принося в неё «разлитую лужицу теста, а унося на рушник... румяный блинок с вздувшимся пузырьком верхом»; или огонь в печи, за каким замороженно наблюдала по утрам маленькая девочка, не «лизжет» поленья, а «облизывает», – всего-то и добавлена приставочка, а уж картина иная: выпуклая и живая. Или «лечебник» – книга о лекарственных травах, по какой вместе собирали с бабушкой травы, о чём Елена вспоминает с удивительной проникновенностью, со свойственными ей невыразимо смешными оборотами, передающими так же бабушкин юмор.

И вдруг пронзительное: «Теперь лечебник без корочек живёт у меня дома самой большой драгоценностью из наследства, потому что помнит бабушкины руки»..., – вмиг обрушив на читателя разом всю неизбежность печали по невозвратности самого дорогого...

Или о маме, уже не имеющую молодых сил и глядящую на своих дочерей, орудующих вилами у копен: «стоит и смотрит с тоской на тающие одонья, видать, в этом же покосе с нами заблудилась», – и перед глазами – явь, как все ещё молоды, полны сил и сноровисто-счастливы...

А решение мамы – не указ, а «патриаршая воля», – всё это с добрым мягким подтекстом, через улыбку и бесконечную любовь.

Полиатрит – «доярочья болячка», – и снова всё сказано: вся жизнь доярки – в этих словах.

Мама мысль о разлуке с коровой («Жалко Белянку») «поудобнее устраивала», – тут же поражаешься точности определения: когда что-то волнует, расстраивает, мысли одолевают, «устраиваясь», чтобы «поудобнее», и более правильное решение принять.

Вообще то, что пишет Елена, можно цитировать бесконечно, но постоянно удерживаешь себя от соблазна: зачем дробить целое на осколки... Цитаты не теряют блеска, но лучше насладиться целостным, кому доведётся читать её книги.

Большей частью герои книг Елены – те, кто на самом деле творили историю нашей страны, в самом прямом смысле, начиная с предвоенных лет и до наших дней. И книги её рассказов могли бы служить внеклассным приложением к истории, изучаемой в школе, живых свидетельств, через какие испытания довелось пройти и не растерять себя, не унижить человеческого достоинства.

Таков герой рассказа «Председатель». Вообще ощущение, что всё главное и ценное в отношениях между людьми, так или иначе, затронуты в повествованиях Елены Чубенко. Взять одно предложение, а могло бы служить руководством к действию руководителей любого ранга и в любой отрасли, не только в сельских хозяйствах: «Базой отношения с молодёжью было его доверие к ним». Прочитав такое, понимаешь, на чём выстраивались перспективы развития экономики страны, сельского хозяйства, в частности; когда было в сёлах и молодёжи много, и для молодёжи существовали притягательные условия, чтобы оставаться жить в родных местах.

Или «база отношений» в своей работе другого председателя. «Приоритетом моей работы было одно – чтобы человеку было комфортней работать». И становилось это не просто красивыми обещаниями, как у современных руководителей в «предвыборной гонке», чтобы тут же о них забыть, войдя во власть. В рассказе «Равнение на гвардию» пример того, как слова с делами не расходятся. В этом же рассказе чётко и определённо обозначена одна из самых острых на сегодняшний день проблем сельского

хозяйства: «Сельский труд – каторжный и не может быть неколлективным. Как этого не могут понять...».

«...И было совершенно ясно, что самой страшной потерей он считает не свои прожитые годы, не ранения, полученные в боях, а развал системы хозяйствования в районе. Душа болит за район, её же не отправишь в отставку или на пенсию!» – Это уже опять сопричастность автора к тому, о чём она услышала, о чём записала со слов 90-летнего человека «с абсолютно ясным умом», всю свою трудовую жизнь посвятившему расцвету края, где жил и живёт хозяином земли, какую ему доверяли облагораживать и не ошибались, доверив.

Пишет ли Елена о тех, кого «война... похоронками горбила и непосильным трудом», о вернувшихся ли с войны или пропавших без вести, или, спустя годы, найденных только фамилиями на обелисках, о вдовах и детях войны, о послевоенном времени – возвращении к мирной жизни родного края, достижениях и промахах, о руководителях хозяйств и о ветеранах труда; о врачах и учителях или просто зарисовки-воспоминания из детства..., – обо всём – ей присущим проникновением в суть описываемых событий.

Ценны рассказы Елены Чубенко и повторяющейся мыслью о существовании проблем, с какими приходится постоянно сталкиваться не потому, что они неизбежны в силу каких-то неотвратимых причин, а из-за людской безответственности и халатности. Например, в рассказе «В этом доме живёт история» герой с болью говорит про варварскую политику вырубki тайги, иссохшие без деревьев речки, исчезновение рыбы. Про рыбаков и браконьеров.

В этом же смысле удивила судьба другого героя очерка «Немецкая слобода». Как немец по национальности навсегда прирос сердцем к Забайкалью, живёт и делает всё для блага этого края, радуясь хорошему, болея за плохое.

Потому совершенно волшебнo звучат на фоне подчас грустной действительности постоянное возвращение к воспоминаниям детства. Таковы небольшие рассказы-картинки о дожде и солнце детства, что наполнены светом, атмосферой счастья и лёгкости, присущих ребёнку, в ком заронено ощущение красоты и радости при встрече с ней.

И вновь... новелла-сожаление уже взрослой женщины, понимающей, чувствующей, что такое зарождение, и отказывающейся понимать, как можно... по живой природе... специально... – огнём. Рассказ «Листья жгут». Очень созвучная тема, также вызывающая недоумение: зачем их жгут? Кроме, как «страстной любви» к запаху дыма, передаваемым по «наследству» службам градостроения предыдущими службами, никак невозможно объяснить это желание мнимой чистоты. И, как «людское двуличие» воспринимается автором, когда они «могут благостно и лицемерно улыбаться, прибравшись». Читая рассказ, прочувствовав изначально проклюнувшиеся листья... «из развернувшейся, счастливо охнувшей почки», невольно вспоминаешь все свои осенние сожаления по поводу сгорающих частичек живой природы.

Очень значим для понимания творчества Елены Чубенко очерк о знатоке и хранительнице семейской речи Марии Сергеевне Семёновой («За каждой строчкой дорогие лица»), педагоге, литераторе, поэте.

«Речь моих земляков кажется песней, и жаль, что её не слышно с листа...», – пишет Елена.

Попробуем проследить с листа, как в разговоре слышится песенно: «остались навсегда», – правильное – «остались навсегда» разрывают слова, а с окончанием «ся» одно слово вплетается в другое, перекатываясь окончанием на приставку следующего за собой слова: «остали-сяНа-всегда», – слышите? Песня и получается.

Или: от слова к слову, как тропинка напрямик, – литературно-правильное «сердце упадёт», как дорога «по правилам», а в речи народной – «сердце падёт», – народом протоптанная, как удобнее. Подобные открытия богатства семейского языка бесконечны. Слава сберегающим его, как изначальную часть культуры своего народа. Потому и читать надо с большим вниманием и погружённостью.

К людям мудрых лет у Елены особое отношение: уважение, смешанное с восхищением и удивлением перед их стойкостью и одновременно – нежностью, что безотчётно передаётся читателю. Это от её, 84-летней бабы Маруси («Из Дешуланского

Истока» – рассказа из цикла: «Знай наших»), «...лица, улыбки и глаз исходит удивительное свечение и тепло, в лучах которого хочется постоять и согреться». К этому желанию мысленно присоединяешься и... греешься. А у кого ещё..., как не у них, годами богатых, судьбами не изломанных, выстоявших, да ещё и не озлобившихся. Читайте. Присоединяйтесь. Грейтесь. У щедрых сердец нашего старшего поколения той, предвоенной и военной закалки. Да, что там, в настоящем времени, даже и потом..., когда-то в неотвратимом: «...Из таких светлых бабушек с лучащимися теплым светом глазами, с бесхитрым жизнелюбием, просто обязаны потом вырастать Ангелы, чтоб оттуда сверху нас охранять», – заканчивает свой рассказ Елена. А мне думается о её сердце: каким же теплом обладает оно, чтобы так сказать.

Любовью и щемящей грустью наполнен так же рассказ «Дорогие мои старики». Невозможно не согласиться с автором, «иногда думающей», что старики и правда – инопланетяне, иначе, как было суметь выжить прежде, кажется, в нечеловеческих условиях: «...а хорошая доля в чужих краях все ходила мимо да мимо», но не растерявших по сей день ни доброты, ни интереса к жизни, ни света в глазах.

Или рассказ «Больше чем доктор», о докторе, какая «давно ходит со званием ЗАСЛУЖЕННЫЙ ВРАЧ, полученным от тех людей, которых подняла на ноги...». Такое начало уже всё сказало о человеке. Вообще у Елены потрясающее чувство нормы слов и предложений. Вчитываться и вдумываться – многое откроется.

Намеренно не затрагиваю оценку книг Елены Чубенко с точки зрения литературы: я – не литературовед. Потому оцениваю просто с читательской позиции: захватило – не захватило. Так вот, «захватило» так, что на одном дыхании, до самой последней строчки. Учиться можно всегда, углублять мастерство – так же, но как важно, чтобы не в урон самобытности. Знающих, как «надо», много, талантов мало. Елена по-настоящему талантлива, в чём убеждаешься с каждым новым рассказом, очерком или, как ещё она называет, «бредом».

Юмором пронизано всё творчество Елены, за исключением описания трагических моментов. Градус юмора подчас зашкаливает. Чтобы это «зашкаливание» обрело форму, «бредовое состояние» пришлось впору. В бреде позволительно всё. Здесь воображению – простор. Надзор разума отсутствует, и остаются одни нелепые обрывки из настоящей, придуманной жизни, соединённые в какие-то гротесковые формы и образы, когда может происходить, что угодно, с кем, где и как угодно. И весь этот «бред» читать безумно смешно..., недоумевая, «что это вообще такое?», пока не проникаешься осознанием, что «бредят» друзья под действием всеобщей грусти по поводу возникших каких-то проблем у некоторых из них. А дальше..., как выясняется..., уже... – в память одного из них..., ушедшего в иные миры. И заменить образовавшуюся без него пустоту можно только его оружием, с помощью какого жил сам: преодолевая боль и немощность безудержным весельем, шутками и радостью, доставляемой им своим обретенным друзьям в интернете. Слезы и тоска эту пустоту могли лишь обозначить, попытку заполнить её под силу иным эмоциям.

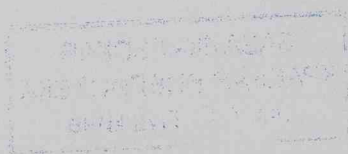
Чуткое понимание людей и здесь безошибочно подсказало Елене выход: в изложении чего и бред уже не бред, как таковой, а осмысленная осанна дружбе, объединившей всех любовью и пониманием слова. Доброго и острого, слова-правды и слова-лукавства, слова резкого и слова любви: на расстоянии – оно чаще важнее, чем вблизи. В сети молчание сопряжено со страхом, что с человеком: заболел, проблемы или ещё что... худшее... Худшее случилось. И друзья, переживая уход ставшего дорогим человека, сердцами откликнулись на «бреды» Елены, какие она артистически в манере речи друга, от его имени представила друзьям, со всей щедростью своей неравнодушной души, стараясь памятью восстановить ту атмосферу радости, какую они переживали вместе. Памятью, имеющей большее, чем право на словесный шуточный «бред», какой, как оказалось, может быть слышен и оттуда... А потому, через боль утраты, возвращая радость прежнего общения.

...не берусь даже предполагать, чего это стоило самой Елене, когда она их писала как дань ПАМЯТИ.

Вот оно – главное слово в творчестве Елены. Память. Всё ради того, чтобы помнили. Прикоснувшись, удержать. Поведать. Не предать забвению то, ради чего жили и живут её любимые, её герои. Будто слышишь со страниц обращённое ко всякому живущему или только начинающему жизнь:

- Родился? Так изволь жить! И при любых обстоятельствах оставайся Человеком!

*И. Павлова, журналист.
Екатеринбург.*

Это была демоверсия книги - Чубенко, Елена Ивановна. Вот так и живем : рассказы и очерки

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34